

**ФРОНТИРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН
В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И
ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

НЕЧАЕВ Дмитрий Николаевич,
доктор политических наук, профес-
сор, Российский экономический уни-
верситет им. Г.В. Плеханова, Воро-
нежский филиал, адрес: 394036, Рос-
сия, г. Воронеж, ул. Карла Маркса, 67а,
e-mail: nechaevpolitia@rambler.ru
Author ID (РИНЦ): 251272

Аннотация.

Цель исследования феномена фрон-
тирной идентичности мигрантов- мусуль-
ман как процесса и определенного итога
социально-политического конструирова-
ния ими новой реальности. Основными
задачами статьи являются: 1) предста-
вить этапы фронтальной идентичности
мигрантов- мусульман в странах Западной
Европы (Франции, Великобритании, ФРГ),
2) обосновать состояние и перспективы
фронтальной идентичности мигрантов му-
сульман для западной цивилизации с точ-
ки зрения знаковой проблемы их «невоз-
врата назад». В качестве *рабочей гипотезы*
исследования выступает предположение о
том, что фронталь -это граница освоения
территории, которая может сложиться и
внутри «старых» стран Западной Европы, в
том числе вследствие широкой культурной
экспансии мигрантов- мусульман.

В итоге завершения процесса оформле-
ния фронтальной идентичности мигрантов-
мусульман формируются дополнительные
условия обострения конфликта цивилиза-
ций.

В результате выделены линии разлома
между западной и исламской цивилиза-
циями внутри государств «старой» Евро-
пы. Представлено обоснование усиления
численности и влияния мигрантов-
мусульман в странах Запада.

Ключевые слова: столкновение цивили-
заций, фронталь, западная европа, ми-
гранты-мусульмане, экспансия, конфликт,
фронтальная идентичность, фронтальные
территории.

Для цит.: Нечаев Д.Н. Фронтальная идентичность мигрантов-мусульман в странах Западной Европы: феноменология и процесс институционализации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Том 17. – №4. – С.160– 175.

**FRONTIER IDENTITY OF MUSLIM MIGRANTS IN WESTERN EUROPE:
PHENOMENOLOGY AND THE PROCESS OF INSTITUTIONALIZATION**

NECHAEV D. N., Doctor of Political Sciences, professor, Russian Economic University named after G.V. Plekhanova of the Voronezh branch (Russian Federation, Voronezh), e-mail: nechaevpolitia@rambler.ru

Abstract. The purpose of the study is the phenomenon of the frontier identity of Muslim migrants as a process and a certain outcome of their socio-political construction of a new reality. The main objectives of the article are: 1) to present the stages of the frontier identity of Muslim migrants in Western European countries (France, Great Britain, Germany), 2) to substantiate the state and prospects of the frontier identity of Muslim migrants for Western civilization from the point of view of the iconic problem of their "non-return back".

The working hypothesis of the study is the assumption that the frontier is the border of the development of the territory, which can develop inside the "old" countries of Western Europe, including due to the wide cultural expansion of Muslim migrants. As a result of the completion of the process of registration of the frontier identity of Muslim migrants, additional conditions for the aggravation of the conflict of civilizations are formed.

As a result, the fault lines between Western and Islamic civilizations within the states of "old" Europe are highlighted. The rationale for the increase in the number and influence of Muslim migrants in Western countries is presented.

Keywords: clash of civilizations, frontier, Western Europe, Muslim migrants, expansion, conflict, frontier identity, frontier territories.

For citations: *Nechaev. D.N. (2022) Frontier identity of Muslim migrants in Western Europe: phenomenology and the process of institutionalization // Central Russian Journal of Social Sciences. – Volume 17, Issue 4. – P.160– 175.*

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие цивилизаций как крупных и устойчивых территориальных культур, объединенных схожей идентичностью, общностью религии, политического строя, этнического и языкового родства, происходит в рамках двух ключевых парадигм: соперничества (конфликта) и сотрудничества. При этом доминантным типом интеракционизма между ключевыми цивилизациями, включая конфликт западной и исламской цивилизаций, является конфликт. Природа и содержание конфликта цивилизаций отражены в работах С. Хантингтона, О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Я. Данилевского, Й. Арнасона. С. Хантингтон, исследуя конфликт исламской и западных цивилизаций, отмечает, что он возникает из природы двух религий (христианства и ислама) как образа жизни, две религии являются монотеистическими [20; 19;18, С.14;7; 4]. Христианство и ислам понимают мир в дихотомии «свой – чужой», обе религии являются универсалистскими, миссионерскими и основаны на положении, что их последователи призваны обращать других в единственно правильную веру [20, С. 591–627].

Таким образом, конфликт цивилизаций проходит и на линии межцивилизационных разломов, представляющих собой подвижную территорию фронта, и, на наш взгляд, на территории современных стран Западной Европы, ставших в период последних 50 лет территориями заселения мигрантов-мусульман (в особенности Франция, Великобритания, ФРГ), территориями культурной и религиозной экспансии. Анализ эмпирической информации о процессах данной экспансии мигрантов-мусульман (они приведены в основной части исследования) позволяет нам предположить свой подход в объяснении новых процессов, что территории «старых» стран Западной Европы за счет институционализации мусульманских анклавов, не интегрируемых в сложившиеся западные общества, стали территориями фронта. Такой подход укладывается в концепцию фронта историка из США Ф. Дж. Тёрнера, который понимал фронт как внешний край волны продвижения и освоения территорий как подвижной полосы контакта и взаимодействия сообществ [18, С. 14], которая перманентно перемещалась в процессе экспансии.

Разумеется, не стоит отрицать и продуктивный процесс интеракционизма цивилизаций в странах Западной Европы к взаимному обучению и интеграции тех или иных культурных черт и особенностей, и на это обращает внимание один из ведущих теоретиков исторической социологии Йохан Арнасон в рамках реляционного подхода к исследо-

ванию цивилизаций. Однако и он подчеркивает способность цивилизаций к формированию особых, базовых и конструируемых культурных ориентаций, которые институционализируют повторяемый смысловой универсум [4, С.42]. Более того, Й. Арнасон уверен, что сам процесс развития и продвижения цивилизаций может существенно меняться под воздействием креативности социальных действий их сообществ и цепи случайных событий, формируя устойчивые цивилизационные паттерны. В этом отношении для нас важно подчеркнуть особенности пассионарности и агрессивности мигрантов-мусульман в странах Западной Европы (креативность социального действия) и фактор их массовой экспансии из родных стран на территорию европейского континента (войны, голод), институционализацию, альтернативную, по Й. Арнасону, форму модерности исламской цивилизации на новых территориях.

Результаты исследования: особенности и этапы процесса формирования фронтальной идентичности мигрантов-мусульман

После завершения геополитического противостояния США и СССР в начале 1990-х годов ключевыми стали следующие тенденции интеракционизма цивилизаций. Во-первых, это тенденция продвижения ценностей либеральной демократии со стороны западной (иудеохристианской) цивилизации в традиционные общества, включая исламские государства, с использованием «мягкой силы» и военной силы (Афганистан, Ирак, Ливия). Во-вторых, это продвижение мусульманскими диаспорами в странах Западной Европы ценностей ислама, включая радикальный ислам. По нашему мнению, и в том и в другом случае эти процессы логично рассматривать через призму эвристического потенциала теории фронта в пространствах разных типов. Данные процессы привели к оформлению новой идентификационной парадигмы последних 30 лет, в которой западный и исламский фронты проявились как западный агрессивный либерализм и мусульманская экспансия. Кстати, схожую, бинарную, идентификационную парадигму в виде фронта влияния США и фронта влияния СССР, конфронтирующих друг с другом в период 1945–1991 гг. в АТР и на пространствах Европы, исследовал А. Д. Агеев [1]. Исследуя Европу, западную цивилизацию, русский геополитик и социолог Н. Я. Данилевский подчеркивал ее враждебность для многих культур. Интересы этой цивилизации, отмечал Н. Я. Данилевский, не только не могут быть общими для других культур и цивилизаций, но и в большинстве случаев прямо противоположны ценностям других цивили-

заций [7, С.475]. И это неизбежно приводило и будет приводить к столкновениям цивилизаций. Что очень важно, на принципиальном столкновении ценностей западной иудеохристианской и исламской цивилизаций указывал в 1990-е годы не только классик геополитики С. Хантингтон, но и современные исследователи. К примеру, профессор политических наук Энн Нортон также отмечает увеличение причин для столкновения носителей цивилизаций, причем в странах Западной Европы. Данный исследователь подчеркивает, что в результате увеличения численности мигрантов-мусульман на Европейском континенте поставленный научным и экспертным сообществом в политическую повестку дня Европы мусульманский вопрос предстает как вопрос об устойчивости ценностей западной, а не исламской цивилизации.

Кроме того, Энн Нортон в своих работах отмечает знаковый политический тренд о том, что суровый республиканский секуляризм во Франции не стал гарантией нейтралитета в публичной сфере этого государства. Ведь в части регионов этой страны звучат требования французских граждан положить конец процессам мусульманской иммиграции, которые порождают конфликтность между французами и мигрантами-мусульманами. Более того, во Франции исламские проповедники активно подогревают бунты в мусульманских предместьях крупных городов. Французское общество, как подчеркивает Энн Нортон, характеризуют противоречия по вопросу о ношении хиджабов [12, С.14]. И еще Энн Нортон отмечает, что западная цивилизация принимает реальное передвижение негласной границы пространства мусульман в странах Европы (фактически фронта – *Прим. авт.*).

Стоит отметить, что процесс формирования фронтальной идентичности мигрантов-мусульман в «старой» Европе имеет свою историю и особенности. К примеру, начиная с 1960-х годов власти и бизнес-сообщество ФРГ стали активно привлекать в интересах экономического роста страны мусульманских гастарбайтеров из Турции, а Франция мигрантов-арабов из Алжира (Великобритания принимает мусульман из Пакистана с конца 1940-х годов). Приведем ряд цифровых показателей. К середине нулевых годов XXI века в ФРГ миграционные потоки помогли сформировать третью по величине мусульманскую религиозную общину страны (4 процента населения, 3,3 млн человек). Приток мигрантов-мусульман во Францию обеспечил мусульманской общине от 5 до 10 процентов населения. В этот же период времени 3,1 процента населения в Англии и 0,7 процента в Уэльсе идентифицировали себя как мусульмане (в Лондоне 8,5 процента причисляли себя к носителям ислама) [8, С.9].

Следствием миграционных процессов в течение 30 лет, с начала 1960-х годов, стало то, что в странах Западной Европы граница между представителями исламской и христианской цивилизаций стала подвижной. Религия ислама у мигрантов, ценности их культуры, рост численности диаспор мигрантов-мусульман, формирование крупных исламских анклавов в мегаполисах Западной Европы привели к институционализации фронтальной идентичности – идентичности, которая не ограничена конкретным пространством территории, а представляет собой процесс и продукт политического конструирования. При этом феномен фронтальной идентичности мигрантов-мусульман в большей мере базируется именно на мусульманской религии как социальном институте, поскольку она институционализована для верующего мусульманина его предками, передана ему традицией, ограничена установленными форматами и поддерживается косностью привычки [14, С. 128, 161, 547].

Существование линии разлома между исламской и западной цивилизациями, проходящей не только между странами, но и внутри государств Западной Европы, отмечал в своих научных исследованиях американский политолог Б. Барбер еще в середине 1990-х годов. При этом Б. Барбер подчеркивал и радикализацию части исламских сообществ в виде метафоры «джихад», реализующих кровавую политику оформления своей идентичности (силы «джихада» – это возврат к до-современным временам [22, Р. 157]). Кстати, левых радикалов и сообществ, манипулируемых глобалистским лобби, он идентифицирует с метафорой «макмир» (сочетание двух брендов западных транснациональных компаний «Макдоналдс» и «Макинтош»). При этом общественно-политические силы «джихада», отмечает Б. Барбер, более эффективно оформляют исламскую идентичность, которая, по нашим оценкам, по сути является фронтальной идентичностью. Более того, фронтальная идентичность мигрантов-мусульман в странах Запада в противостоянии с западной цивилизацией агрессивно подвижна, опирается на brutальные террористические акции (теракт на стадионе «Стад де Франс» и кафе в Париже в 2015 году, теракты в Руане и Ницце в 2016 году.)

Стоит иметь в виду, что, рассматривая фронтальную идентичность мигрантов-мусульман, можно подойти к выводу об особом феномене, влияющем на устойчивость и стабильность политических систем в странах Западной Европы. Как полагает отечественный исследователь М. Ю. Апанович, сама иммиграция мусульман была притягательной для политических элит Запада в ракурсе динамичного экономического

развития территорий. С другой стороны, феномен мигрантов-мусульман в начале 2010-х годов предстает перед правящим слоем политик Западной Европы как экзистенциальная угроза их национальной и цивилизационной идентичности [2, С. 62]. К примеру, немецкий политик и исследователь Т. Саррацин уже в 2010 году подчеркивал наличие новых проблем, связанных с массовой иммиграцией малограмотных исламокультурных групп из стран Ближнего и Среднего Востока, Африки. Более того, как полагал данный исследователь, под влиянием агрессии мигрантов-мусульман в ФРГ сразу не погибнут все западные ценности, ФРГ будет деградировать вместе с немцами и демографическим истощением их интеллектуального потенциала [17, С. 483].

Логично уточнить еще один ракурс проблемы. Как подчеркивает российский политолог Е. В. Морозова, различая дефиниции «граница» и «фронтир», нужно иметь в виду следующее. Фронтир, в отличие от границы, представляющей собой, как правило, статическое явление, является территорией особых социальных условий, он достаточно подвижный феномен, влияющий на институционализацию нового общества и оформление идентичности [11, С. 533]. И данный тип идентичности, по нашему мнению, является ключевым компонентом политического конструирования новой реальности, кардинально меняющей правила игры между двумя доминантными сообществами (исламским и христианским) внутри политик Западной Европы. Такая идентичность, по оценке И. И. Варьяш, предстает уже как прямая способность мигрантов-мусульман влиять на свое будущее как действующая сила [5, С. 170], которая, как нам представляется, является новым ресурсом этнорелигиозных притязаний данной социальной группы и нового продвижения фронта.

Становление фронтальной идентичности у мигрантов-мусульман в больших странах Западной Европы (Франция, Великобритания, ФРГ) проходило в три этапа. Если исходить из классификации отечественных исследователей А. П. Романовой и С. Н. Якушенкова применительно в целом к этапам институционализации фронтальной идентичности, то речь стоит вести о предфронтире, собственно фронтире и постфронтире [16, С. 74 -80]. При этом сам процесс миграции, в том числе мусульман в страны Запада, предстает как импульс определенных социальных групп развивающихся стран к хаотичной экспансии и к структурно организованным перемещениям в иные цивилизационные пространства для осуществления своих целей и экономико-политических интересов, образуя пространство фронта как про-

странство выбора. И одним из следствий миграционных процессов мусульман становится формирование из фронтальной идентичности в «старых» и крупных государствах Западной Европы.

Первый этап становления фронтальной идентичности мигрантов-мусульман (предфронт) стоит отнести к временному отрезку 1960-х – конца 1980-х гг. Данный этап становления фронтальной идентичности совпал с эпохой постмодерна (кризис идей, таргетирование основ европейской цивилизации). В рамках данного этапа мигранты-мусульмане, с одной стороны, интегрируются в западные общества всеобщего благоденствия (высокий уровень жизни, гарантированно высокие социальные стандарты) с сохранением своего культурного кода и своей религии, которая для них, что принципиально важно, является устойчивой верой. В то же время в обществах западной цивилизации доминируют знания, а там, где есть знания, веры, как правило, уже быть не может [3, С. 37].

Стоит полагать, что предварительный итоговый эффектом предфронта для мигрантов-мусульман стал переброс старых социализационных правил и религиозно-мировоззренческих установок в новое общество. При этом у мигрантов-мусульман в процессе формирования их фронтальной идентичности оформляется и осознание себя особой, эксклюзивной и значимой частью целого (западного общества). В то же время политическим мейнстримом мигрантов-мусульман при становлении фронтальной идентичности становится невозможность и неприемлемость возврата назад в бывшие места проживания, в места проживания их предков.

К примеру, особенностью формирования исламского предфронта в ФРГ стали трансформационные процессы иммиграции мусульман. Изначально организованный въезд в страну первых гастарбайтеров из мусульманской Турции в 1960-е годы предполагал их временный (гостевой) характер. Однако с течением времени временный характер работы мигрантов-мусульман трансформировался в постоянный. Более того, за первыми мигрантами в ФРГ появились их семьи турок-мусульман, их родственники, немецкие турки воспроизводились во втором, третьем и четвертом поколениях. Данный трансформационный процесс институционализировался в проекты оформления диаспор, в официальные культурные и религиозные общественные НПО. И это происходило на фоне вытеснения «немецкости» из общественно-политического дискурса, табуирования «немецких интересов» во внутренней и внешней политике.

Массовости процессу иммиграции придавали создаваемые иллюзии властей и СМИ в ракурсе воссоединения турецких семей на немецкой земле, важности трудовых компетенций мигрантов-мусульман. Стоит отметить, что в ФРГ из существующих трех форматов интеграции мигрантов-мусульман в сложившееся общество (ассимиляция, структурная адаптация и культурная адаптация) государственная политика была выстроена на основе культурной адаптации как наиболее удобной для мигрантов формы. Культурная адаптация предполагает, что власти не ожидают отказа мигрантов-мусульман от различных проявлений культурного кода [10, С. 32], что только усиливало динамику формирования их фронтальной идентичности. Близкими практиками в отношении мигрантов-мусульман отмечена и государственная политика во Франции по отношению к арабо-мусульманским сообществам, в Великобритании по отношению к выходцам из Пакистана, Бангладеш, мусульманских стран Африки. Вместе с тем альтернативой процесса становления фронтальной идентичности мигрантов-мусульман в ФРГ, Франции и Великобритании стал идентитаризм как идея и практики образования общественно-политических (правых) сил среди коренного населения, настроенных антииммигрантски и во многом исламофобски.

Второй этап становления фронтальной идентичности мигрантов-мусульман в «старых» и крупных странах Западной Европы имеет временной отрезок с конца 1980-х по 2014 год, совпавший с оформлением в данных политиях государственной политики и управленческих практик мультикультурализма. Отечественный исследователь А. В. Веретевская подчеркивает, что единого подхода к пониманию мультикультурализма в политической науке нет. Более того, она полагает, что есть серьезные отличия мультикультурализма, к примеру, в англосаксонских странах (Канада, Австралия) и в странах Западной Европы. Вместе с тем А. В. Веретевская [6] доказывает, что мультикультурализм в «старых» странах Западной Европы соотносится с особой поддержкой со стороны властей особой культурной идентичности мигрантов-мусульман (при негативном отношении к ним значительной части населения).

Более того, акцентирует внимание данный исследователь, мультикультурализм (или политика воспроизводства этнокультурного многообразия) признается в рамках государственной политики ФРГ, Франции и Великобритании значимой ценностью и поддерживается политически в рамках принципов, механизмов и технологий государственного управления. Таким образом, на этапе собственно фронта

у мигрантов-мусульман появляются масштабные адаптационные ресурсы в виде механизма трансгрессии, когда мигранты-мусульмане заимствуют, с одной стороны, новые европейские нормы (к примеру, демократические процедуры и политическое участие), с другой стороны, культурные и религиозные ценности остаются незыблемыми в их моделях поведения.

Третий этап (2015 – н/в) формирования фронтальной идентичности (постфронт) мигрантов-мусульман совпал с началом миграционного кризиса в Европе. Наиболее сильно он повлиял на Германию. По оценкам доктора философии Боннского университета и научного сотрудника ИНИОН РАН С. В. Погорельской, в 2015–2016 годах ФРГ приняла за два года более одного млн мусульман, имея самую крупную мусульманскую диаспору в Европе с численностью 5,6 млн человек, что составляет 6,7 процента населения страны [13, С. 107]. При этом произошла и диверсификация мусульман: доля турок стала снижаться, а общины арабов, афганцев, боснийских и косовских албанцев, чеченцев, немцев, принявших ислам, – расширяться. К концу 2021 – началу 2022 года доля мигрантов-мусульман в ФРГ существенно выросла. Динамика роста численности мигрантов-мусульман во Франции и Великобритании также впечатляет своим масштабом.

По оценке ведущего сотрудника ИНИОН РАН, доктора исторических наук Б. В. Долгова, в 2021 году во Франции функционировала не только самая многочисленная мусульманская община, но и ислам уже не представлял из себя привезенный извне феномен [9, С. 181], а являлся влиятельным компонентом общественно-культурного ландшафта. И эта закрепившаяся в обществе Франции тенденция означает завершение процесса институционализации фронтальной идентичности мигрантов-мусульман, официальным оформлением которой стала подготовка проекта закона о борьбе с сепаратизмом (официальный перевод – «об укреплении уважения к принципам Французской республики»).

Проводимая в 1990-е и нулевые годы XXI века политика мультикультурализма в Великобритании, порождавшая, по оценкам российского историка А. Пономаренко, разделения и провоцирования противостояния в британском обществе, привела к началу 2010-х годов к институционализации мусульmano-иммигрантских общин [19, С. 497]. Более того, такая политика, как во Франции и ФРГ, оформила на этапе постфронта не только фронтальную идентичность мигрантов-мусульман, но и вывела на передний план проблему исламского фундаментализма. Кстати, данный политический тренд укладывается в

подход А. Тойнби об универсальном государстве, где доминирующие меньшинства (а мигранты-мусульмане – доминирующие меньшинства в ФРГ, во Франции и Великобритании) оживляют процесс социального распада этого универсального государства [15, С. 49-60]. Правда, этот негативный тренд имеет и оборотную сторону. А именно государственная политика универсальных государств имеет цель взять под контроль данный процесс, предотвратить падение этого института в пропасть и социальный хаос.

В итоге этот постфронтир окончательно оформляется для мигрантов-мусульман во фронтирную идентичность как обособленное политико-социальное пространство отдельных этнорелигиозных групп внутри единой нации «старых» государств Западной Европы. При этом мусульмано-мигрантский фронтир не остаётся на том же месте, он постоянно и последовательно дрейфует в сторону освоения новых территорий, институционализируя «коллективную память» мигрантов-мусульман, оформляя процесс их выживания более осмысленным и устойчивым.

Заключение

Исследуя процесс появления мигрантов-мусульман в странах Западной Европы, их интеграцию в сложившееся общество, логично сделать ряд выводов по данной проблематике.

Во-первых, процесс их интеграции стоит понимать в рамках парадигмы столкновения цивилизаций, где, по мысли О. Шпенглера, культурные традиции, религия и всеохватная символика, в согбенности чувственные знаки [21, С. 191] играют доминантную роль в процессах оформления идентичности. Данная символика с помощью средств выражения языка, религии, знаков мигрантов-мусульман является политической формулой становления фронтирной идентичности этих сообществ в «старых» и крупных государствах Западной Европы (ФРГ, Франция, Великобритания).

Во-вторых, становление фронтирной идентичности мигрантов-мусульман происходило в три этапа: предфронтир, собственно фронтир и постфронтир. Фронтирная идентичность мигрантов-мусульман со временем обретала не только свою пассионарность, противопоставление западным ценностям, мировоззренческим установкам, но и становилась привлекательной моделью пространства выбора для части коренного населения (немцы, французы, англичане принимали ислам, становясь частью данной идентичности). При этом формировавшаяся политика мультикультурализма властей не препятствовала

становлению данной идентичности, а, наоборот, придавала ей политический смысл и ценность.

В-третьих, особенностью фронтальной идентичности мигрантов-мусульман, по нашему мнению, становится то, что ислам во Франции, в ФРГ и Великобритании стал французским исламом, немецким исламом и британским исламом и реально исламом большинства «старых» стран Западной Европы. Фронтальное воображение исламских сообществ помогало политическому конструированию данного типа идентичности, формировало в системе западной цивилизации ценностное поведение мигрантов-мусульман, которое отодвигало дальше пространство фронта. Фронтальная идентичность мигрантов-мусульман стала стимулом для нового освоения территорий Европы, где для нее появляются новые возможности и территории (к примеру, страны Центральной и Восточной Европы). При этом для современной России опыт институционализации фронтальной идентичности мигрантов-мусульман в странах Западной Европы является негативным опытом и политическим вызовом устойчивости и стабильности политической системы. Извлечение уроков и подготовка адекватного ответа органами государственного управления РФ на приток мигрантов-мусульман является категорическим императивом в политической повестке дня.

Библиография/ References:

1. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтов / А.Д. Агеев. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 330 с.
2. Апанович, М.Ю. Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе: монография. — М.: Аспект Пресс, 2018. –176 с.
3. Апполонов А. В. Наука о религии и ее постмодернистские критики. - М.: Высшая школа экономики, 2018. –240с.
4. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы / Йохан Арнасон; пер. с англ. М. Масловского, Д. Карасева, Ю. Прозовой, А. Степанова. Сост., послесл. М. Масловского. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 304 с.
5. Варьяш И.И. Мусульманская Европа. Сигналы идентичности. – СПб.: Наука, 2020. – 225 с.
6. Веретевская А.В. Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств / А.В. Веретевская. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 182 с.

7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Известия, 2003. – 607 с.
8. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / Пер. с англ. В.Г. Малахеевой-Мирович, М.В. Шик, под ред. С.В. Луре. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2019. – 415 с.
9. Долгов Б.В. Исламский терроризм, политика Запада и исламский фактор в Европе (на примере Франции) // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – №4 (12). – С. 173-190.
10. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 272 с.
11. Морозова Е.В. Фронтальная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Изд-во «Весь мир», 2017. – С. 529-535.
12. Нортон, Э. К мусульманскому вопросу / Энн Нортон; пер. с англ. А. Лазарева; под науч. ред. И. Кушнаревой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 272 с.
13. Погорельская С.В. Ислам и новая идентичность Германии // Россия и мусульманский мир. – 2022. – №2 (324). – С. 95-110.
14. Политические системы современных государств; Энциклопедический справочник: в 4 т. Т. 1 Европа / МИМО (У) МИД России, ИНОП; гл. редактор А.В. Торкунов; науч. редактор А.Ю. Мальвиль. – М.: ОАО «Московские учебники и Картолиграфия», 2009. – 616 с.
15. Пономаренко А. «Исламский фактор» в миграционных процессах в Западной Европе на примере Великобритании Германии и Франции / А. Пономаренко // Вестник РУДН Серия Всеобщая история. – 2012. – №3. – С. 49-60.
16. Романова А.П., Якушенков С.Н. Фронтальная теория новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России // Инновации и экспертиза. – 2012. – №2. – С. 74-80.
17. Саррацин, Т. Германия: самоликвидация / Тило Саррацин; пер. с нем. Т.А. Наатниковой – М.: Изд-во АСТ, 2016. – 560 с.
18. Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории / Фредерик Дж. Тернер; Пер. с англ. А.И. Петренко; Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: Весь мир, 2009. – 304 с.
19. Тойнби А.Дж. Постижении истории: Сборник / Арнольд Дж. Тойнби; Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 640 с.

20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон // Геополитика: Антология. – М.: Академический Проект. Культура. – 2006. – 605 с.

21. Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии истории. Полное издание в одном томе / Освальд Шпенглер; Пер. с нем. и примечания И.И. Маханькова. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. – 1085 с.

22. Benjamin, R. Barber. (1995) Reflections on the McRevolution: A Review of Jihad vs. McWorld: How the Planet Is Both Falling Apart and Coming Together and What This Means for Democracy. – TimesBooks. – P. 157.

1. Ageev, A.D. (2005) Sibir' i amerikanskij Zapad: dvizhenie frontirov [Siberia and the American West: the movement of frontiers]. – М.: Aspekt Press. – 330 p. (In Russ.)

2. Apanovich, M.YU. (2018) Politicheskie aspekty migracionnyh processov v sovremennoj Evrope: monografiya [Political aspects of migration processes in modern Europe: monograph] / M.YU. Apanovich. — Moskva: Aspekt Press. – P. 62. (In Russ.)

3. Appolonov, A. V. (2018) Nauka o religii i ee postmodernistskie kritiki [Science of religion and its postmodern critics] / A.V. Appolonov. - М.: Vysshaya shkola ekonomiki [M.: Higher School of Economics]. – P. 37. (In Russ.)

4. Arnason, J. (2021) Civilizacionnye patterny i istoricheskie processy [Civilizational patterns and historical processes] / Johan Arnason; per. s angl. M. Maslovskogo, D. Karaseva, YU. Prozovoj, A. Stepanova. Sost., poslesl. M. Maslovskogo. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie [M.: New Literary Review]. – P. 42. (In Russ.)

5. Var'yash, I.I. (2020) Musul'manskaya Evropa. Signaly identichnosti [Muslim Europe. Identity Signals] / I.I. Varyash. – SPb.: Nauka [St. Petersburg: Nauka, 2020]. – P. 170. (In Russ.)

6. Veretevskaya, A.V. (2018) Mul'tikul'turalizm, kotorogo ne bylo: analiz evropejskih praktik politicheskoy integracii etnokul'turnyh men'shinstv [Multiculturalism, which did not exist: analysis of European practices of political integration of ethnic and cultural minorities] / A.V. Veretevskaya. – М.: MGIMO-Universitet. – 182 p. (In Russ.)

7. Danilevskij, N.YA. (2003) Rossiya i Evropa: Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance]. – М.: Izvestiya. – P. 475. (In Russ.)

8. Dzhejms, U. (2019) Mnogoobrazie religioznogo opyta. Issledovanie chelovecheskoj prirody [The diversity of religious experience. The Study of human nature] / Per. s angl. V.G. Malahievoj-Mirovich, M.V. SHik, pod red. S.V. Lure. – 3-e izd. – M.: Akademicheskij proekt [M.: Academic Project]. – P. 9. (In Russ.)

9. Dolgov, B.V. (2021) Islamskij terrorizm, politika Zapada i islamskij faktor v Evrope (na primere Francii) [Islamic terrorism, Western politics and the Islamic factor in Europe (on example of France)] / B.V. Dolgov // Aktual'nye problemy Evropy [Actual problems of Europe]. – №4 (12). – P. 173-190. (In Russ.)

10. Malahov, V.S. (2015) Integraciya migrantov: koncepcii i praktiki [Integration of migrants: concepts and practices] / Vladimir Malahov. – M.: Fond «Liberal'naya missiya» [M.: Liberal Mission Foundation]. – P. 32. (In Russ.)

11. Morozova, E.V. (2017) Frontirnaya identichnost' [Frontier identity] // Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie. Otv. red. I.S. Semenenko [Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition. Ed. by I.S. Semenenko]. – M.: Izd-vo «Ves' mir» [M.: Publishing House "The Whole World"]. – P. 529-535. (In Russ.)

12. Norton, E. (2016) K musul'manskomu voprosu [On the Muslim question] / Enn Norton; per. s angl. A. Lazareva; pod nauch. red. I. Kushnarevoj. – M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki [M.: Publishing House of the Higher School of Economics]. — P. 14. (In Russ.)

13. Pogorel'skaya, S.V. (2022) Islam i novaya identichnost' Germanii [Islam and the new identity of Germany] / S.V. Pogorel'skaya // Rossiya i musul'manskij mir [Russia and the Muslim world]. – №2 (324). – P. 95-110. (In Russ.)

14. Politicheskie sistemy sovremennyh gosudarstv; Enciklopedicheskij spravocnik: v 4 t. T. 1 Evropa [Political systems of modern states; Encyclopedic reference: in 4 vols. Vol. 1 Europe] / MIMO (U) MID Rossii, INOP; gl. redaktor A.V. Torkunov; nauch. redaktor A.YU. Mal'vil'. – M.: OAO «Moskovskie ucheniki i Kartografiya», 2009 [M.: JSC "Moscow students and Cartography", 2009]. – P. 128, 161, 547. (In Russ.)

15. Ponomarenko, A. (2012) «Islamskij faktor» v migracionnyh processah v Zapadnoj Evrope na primere Velikobritanii Germanii i Francii [“The Islamic factor” in migration processes in Western Europe on the example of Great Britain, Germany and France] // Vestnik RUDN Seriya Vseobshchaya istoriya [The Journal of the RUDN Universal History Series]. – №3. – P. 49-60. (In Russ.)

16. Romanova, A.P., Yakushenkov, S.N. (2012) Frontirnaya teoriya novyj

podhod k osmysleniyu social'no-politicheskoy i ekonomicheskoy situacii na YUge Rossii [Frotirnaya theory a new approach to understanding the socio-political and economic situation in the South of Russia] // Innovacii i ekspertiza [Innovation and expertise]. – №2. – P. 74-80. (In Russ.)

17.Sarracin, T. (2016) Germaniya: samolikvidaciya [Germany: self-destruction] / TiloSarracin: per. s nem. T.A. Naatnikovoj – M.: Izdatel'stvo AST [M.: AST Publishing House]. – P. 483. (In Russ.)

18.Terner, F.Dzh. (2009) Frontir v amerikanskoj istorii [Frontier in American history] / Frederik Dzh. Terner; Per. s angl. A.I. Petrenko; Otv. red. V.V. Sogrin. – M.: Ves' mir [M.: The Whole World]. – P. 14. (In Russ.)

19.Tojnbi, A.Dzh. (2002) Postizhenii istorii: Sbornik [Comprehension of History: A Collection] / Arnol'd Dzh. Tojnbi; Per. s angl. E.D. Zharkova. 2-e izd. – M.: Ajris-press [Moscow: Iris-press]. – P. 497. (In Russ.)

20.Hantington, S. (2006) Stolknovenie civilizacij [Clash of Civilizations] / Samyuel' Hantington // Geopolitika: Antologiya [Geopolitics: Anthology]. – M.: Akademicheskij Proekt. Kul'tura [M.: Academic Project. Culture]. – P. 591-627. (In Russ.)

21.SHpengler, O. (2017) Zakat Zapadnogo mira; Ocherki morfologii istorii. Polnoe izdanie v onom tome [The decline of the Western world; Essays on the morphology of history. The complete edition in this volume] / Osva'd SHpengler; Per. s nem. i primechaniya I.I. Mahan'kova. – M.: «Izdatel'stvo AL'FA-KNIGA» [M.: "ALPHA-BOOK Publishing House"]. – P. 191. (In Russ.)